

А. С. БУТУРЛИН

ИМЕЛ ЛИ И. С. ГАГАРИН ОТНОШЕНИЕ К ПАСКВИЛЮ
НА А. С. ПУШКИНА?*

1

Сразу же после смерти А. С. Пушкина начали распространяться различные толки о причастности тех или иных лиц к анонимному пасквилю, сыгравшему роковую роль в судьбе великого поэта. В числе вероятных авторов этого гнусного документа назывались кн. Петр Владимирович Долгоруков и кн. Иван Сергеевич Гагарин.

Несколько лет спустя переход Гагарина в католичество (1842) и принятие им сана священника ордена иезуитов (1843), явившись для многих неожиданностью, послужили пищей для разных догадок. Например, Н. Н. Пушкина, вдова поэта, одно время считала, что причиной этого поступка Гагарина было желание замолотить грех перед ее мужем¹. Правда, оставалось неясным, почему нужно было для этого переходить в католичество и уезжать из России....

Шли годы. Версия о виновности Долгорукова приобретала все больше сторонников, подозрения против Гагарина рассеивались по мере того, как раскрывалось различие в их нравственных качествах.

Наконец, в 1927 г., в результате длительных изысканий П. Е. Щеголев (с помощью эксперта по почеркам А. А. Салькова) пришел к выводу, что автором пасквиля является Долгоруков. Доказательств, указывающих на участие Гагарина, обнаружено не было. Более того, Щеголев прямо отметил «психологическую трудность» приписывания пасквиля Гагарину².

Казалось, подозрения святы были с Гагарина навсегда. Действительно, долгое время имя его упоминалось в печати лишь в положительном смысле в связи с именами Тютчева, Лермонтова, Чаадаева.

Но вопрос об участии Гагарина снова был поднят М. Япиным в статье «Хроника преддвульных дней» («Звезда», 1963, №№ 8, 9). Автор сообщил в ней, что им осуществлена графическая экспертиза надписи на обороте обоих сохранившихся экземпляров пасквиля: «Александр Сергеевич Пушкину». Надпись эта сделана почерком, отличающимся от почерка, каким написан текст самого пасквиля, и в свое время не была подвергнута специальному исследованию А. А. Сальковым. «Все... характерные особенности, — пишет М. Яшин, — говорят нам о несомненном, а не спорадическом сходстве почерка кн. И. С. Гагарина с почерком надписи на пасквили». По заключению М. Яшина, Долгоруков «стряпал» анонимный «диплом роконосцев», а Гагарин подписывал на нем имя адресата³.

Категоричность тона М. Яшина, казалось, не допускала возражений. Однако в номерах 2 и 3 журнала «Нева» за 1966 г. появилась другая статья того же автора: «К портрету духовного лица». В ней он признает, что сходство в начертании «некоторых букв» почерка надписи и почерка Гагарина «еще не являлось юридическим доказательством, и не следовало бы публиковать догадку»⁴. Зато теперь он напал на верный след лица, сделавшего надпись. Это некий Василий Яковлевич Завязкин.

Кто же такой Завязкин? Служитель в московском доме кн. С. И. Гагарина, отца Ивана Сергеевича. Сохранился один документ, писанный рукой Завязкина: прошение И. С. Гагарина об увольнении от дипломатической службы (1842 г.). Рассказывая об этом документе, обнаруженном в Архиве внешней политики России, М. Яшин пишет: «Почерк служителя кн. С. И. Гагарина показался мне удивительно знакомым, как будто я его изучал в течение долгого времени. Знакомые овалы, закорючки, полухвос-

* Печатается в порядке обсуждения.—Ред.

¹ Б. Модзалевский и др. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Л., 1924, стр. 127.² П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1936, стр. 318.³ «Звезда», 1963, № 8, стр. 174, 175.⁴ «Нева», 1966, № 2, стр. 176.

тики. Не он ли? ⁵). На этот раз автор получил поддержку эксперта-криминалиста В. В. Томилина, который, изучив почерк Завязкина по этому единственному документу, установил его тождество с почерком надписи на обороте пасквиля. Отсюда последовал вывод М. Яшина о соучастии Гагарина с Долгоруковым в распространении «диплома». «Убоявшись оставить собственноручный след в этом грязном деле, он, дескать, не сам написал на пасквили адрес, а поручил это сделать Завязкину.

В результате исследования почерка, каким написан пасквиль, В. В. Томилин подтвердил вывод А. А. Салькова об авторстве Долгорукова, но сделал странное заключение относительно росчерка на одном из экземпляров: по его мнению, он «имеет определенное сходство с росчерками в подлинных подписях кн. И. С. Гагарина» ⁶.

Оставим пока это весьма и весьма странное заключение и обратимся к прочим аргументам, на основании которых М. Яшин доказывает «соучастие» Гагарина в травле Пушкина.

2

К сожалению, в статье М. Яшина невозможно найти хотя бы попытку дать непредвзятую оценку личности Гагарина. Напротив, все его поступки, письма, высказывания о нем современников получают под пером М. Яшина самое превратное толкование.

Автор стремится придать утверждению В. В. Томилина решающий и безоговорочный смысл. Между тем его экспертиза была подвергнута серьезной критике известным криминалистом М. Г. Любарским, выступившим на обсуждении доклада М. Яшина в Пушкинском Доме. Возражения М. Г. Любарского В. В. Томилин сводил к следующему: «1. По записи „Александру Сергеечу Пушкину“ заключение дано при наличии крайне недостаточного количества образцов, которые позволили эксперту установить лишь небольшое количество весьма сомнительных признаков. 2. По росчерку на „дипломе“ ни один эксперт не решился бы бросить тень на Гагарина, даже в вероятной форме». Объективное и тщательное научное исследование было подменено в данном случае «попыткой подогнать желаемое под действительное» (приведенные цитаты — из письма М. Г. Любарского к автору настоящей статьи).

Многие умозаключения М. Яшина отличаются произвольностью. Вот пример. В 1863 г. А. Аммосов выпустил книгу «Последние дни жизни и кончина Пушкина. Со слов К. К. Данзаса». В ней он сообщал, что Гагарин за границей будто бы признался в своем косвенном участии в проделке Долгорукова. Сообщение это оказалось выдуманной, что и было тогда уже указано М. Н. Лонгиновым в рецензии на книгу Аммосова и опровергнуто самим Гагариным в письме, помещенном 16 июля 1865 г. в газете «Биржевые ведомости» и озаглавленном: «Опровержения иезуита Ивана Гагарина по поводу смерти Пушкина». Возражать на опровержение Гагарина оказалось некому; по-видимому, человека, слышавшего от него «признание», не существовало.

И вот сейчас М. Яшин его «обнаружил»: это, оказывается, приятель Пушкина С. А. Соболевский. В качестве единственного доказательства приводится письмо Соболевского к кн. С. М. Воронцову от 7 февраля 1862 г., в котором, однако, говорится нечто совершенно противоположное: «... я слишком люблю и уважаю Гагарина, чтобы иметь на него хотя бы малейшее подозрение; впрочем, в прошедшем году я самым решительным образом расспрашивал его об этом; отвечая мне, он даже и не думал оправдывать в этом себя, уверенный в своей невинности» ⁷.

Вызывает протест эта логика М. Яшина. Можно ли не поражаться тому, как легко обращается он с репутацией Соболевского, заставляя его в угоду Гагарину (а вернее, своей гипотезе) предать память о великом друге? Ибо чем же как не предательством памяти Пушкина были бы уверения Соболевского в невинности Гагарина, если бы он действительно выслушал его признание?

Нельзя не остановиться и на утверждении автора относительно лживости сведений в письме Гагарина, напечатанном в газете «Биржевые ведомости». В этом документе Гагарин, между прочим, сообщил, что о существовавших против него подозрениях он впервые узнал от А. И. Тургенева, когда последний посетил его в Археоланской обители, где он находился по вступлении в орден иезуитов. Основываясь на отсутствии соответствующих упоминаний об этом разговоре в дневнике Тургенева, М. Яшин считает это сообщение ложным. До М. Яшина к дневнику Тургенева обращался П. Е. Щеголев. Любопытно сравнить выводы обоих авторов. Вот мнение Щеголева: «Тургенев в своей записи (о встрече с Гагариным. — А. Б.) не заикнулся о разговоре, который произошел между ним и Гагариным о Пушкине и анонимных письмах. Молчание не значит, что Гагарин облыжно упомянул о беседе, а может означать только то, что Тургенев не считал нужным отметить этот разговор...» ⁸. А вот что пишет по этому поводу М. Яшин: «Тургенев в своей записи даже не заикнулся о разговоре про анонимные письма... Выходит, Гагарин облыжно упомянул, что в беседе с Тургеневым шла речь о подозрениях по делу Пушкина» ⁹.

⁵ «Нева», 1966, № 3, стр. 198.

⁶ Там же, стр. 189.

⁷ Б. М. О д з а л е в с к и й и др. Указ. соч., стр. 25.

⁸ П. Е. Щ е г о л е в. Указ. соч., стр. 316.

⁹ «Нева», 1966, № 3, стр. 188.

Размышляя о том, кто же из двух авторов прав, невольно задаешь вопрос: а зачем нужно было бы Гагарину сочинять этот разговор с Тургеневым? Чтобы подчеркнуть приязнь к себе друга Пушкина? Но это можно было сделать, не прибегая ко лжи: сохранилось немало доказательств теплого отношения Тургенева (как, впрочем, и других друзей поэта) к Гагарину. Наводя на такой вопрос, предположения М. Яшина не дают на него ответа и оказываются логически беспочвенными.

При рассмотрении доводов М. Яшина, касающихся письма Гагарина в «Биржевых ведомостях», выясняется, что он упускает из виду существенное обстоятельство. Документ этот был опубликован в 1865 г., когда еще было много живых свидетелей трагического события и лежача легко могли бы поймать с поличным.

Известны, например, взаимная привязанность и доверительные отношения, существовавшие между А. И. Тургеневым и его братом-декабристом. В 1865 г. Александра Ивановича уже не было в живых, но жив был Николай Иванович, который, конечно, был осведомлен об отношениях брата с Гагариним. Однако тесная дружба и симпатии, которые Н. И. Тургенев неизменно выражал Гагарину, говорят сами за себя.

Гагарин вспоминает, что с содержанием пасквиля его в свое время ознакомил Климентий Осипович Россет: «Первый человек, который мне о них (пасквилях.— А. Б.) говорил, был К. О. Р<оссет>. В то время я жил на одной квартире с кн. П. В. Долгоруковым на Миллионной¹⁰.... Однажды мы обедали дома вдвоем, как приходит Р<оссет>. При людях он ничего не сказал, но как мы встали из-за стола и перешли в другую комнату, он вынул безымянное письмо на имя Пушкина, которое было ему прислано запечатанное под конвертом на его (Р<оссета>) имя. Дело ему показалось подозрительным, он решился распечатать письмо и нашел известный пасквиль. Тогда начался разговор между нами; мы толковали, кто мог написать пасквиль, с какой целью, какие могут быть от этого последствия¹¹. Но в 1865 г. К. О. Россет был жив. Невероятно, чтобы Гагарин решился сослаться на друга Пушкина, если бы приведенное выше утверждение было ложным. Столь же мало вероятно, что в последнем случае Климентий Осипович не опроверг бы ссылку на свое имя. Правда, М. Яшин может обвинить и Россета, так же как и Соболевского, в стремлении «обелить» Гагарина. Но не правильнее ли присоединиться к выводу Щеголева: «В указаниях князя Гагарина мы не находим никаких противоречий»¹²?

Приведенные примеры взяты как бы с переднего плана картины, нарисованной в статье М. Яшина. Но и второстепенные детали, и весь фон этой картины напичканы в той же манере. Статья наполнена необоснованными намеками, оговорками, колкостями, призванными унижить Гагарина, вызвать к нему недоверие. Например, автор усиленно подчеркивает, что Гагарин хитроумно молчал в течение двух лет после выхода в 1863 г. книги Аммосова. В действительности же молчание Гагарина объясняется весьма просто: в 1862—1864 гг. его не было в Европе, он находился в Сирии. По возвращении же во Францию в 1865 г. он тотчас же выступил с опровержением. Эти сведения содержатся в известной М. Яшину статье П. Пирлинга о Гагарине¹³.

М. Яшин заканчивает статью нелестной характеристикой Гагарина, содержащейся в письме кн. П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 30 октября 1843 г.: «Он был всегда орудием в чьих-нибудь руках, всегда прхвостником чужих мнений и светских знаменитостей, даже некогда и подлеца Геккерна»¹⁴. Но эти строчки требуют, по крайней мере, двух уточнений. Во-первых, письмо писалось под непосредственным впечатлением от вступления Гагарина в орден иезуитов. Причины этого непонятого для Вяземского поступка тогда были известны лишь очень немногим. Но интересно, что несколькими месяцами раньше в письме к тому же адресату Вяземский отозвался о Гагарине совсем в другом тоне¹⁵. Во-вторых, Вяземский вообще не скупился на резкие характеристики и отзывы, высказывания его часто бывали необъективными. Самому Пушкину солоно от него доставалось, что уж говорить о других!

Возвращаясь к Гагарину следует сказать, что имеется достаточное количество заслуживающих доверия документов, рисующих высокий нравственный облик этого человека. Напомним основные факты его биографии.

3

Представитель знатной аристократической семьи, «юрикович», внук одного из видных деятелей русского масонства, И. С. Гагарин (род. в 1814 г.) поступил на государственную службу в 1831 г., а в 1833 г. был причислен к русской дипломатической миссии в Мюнхене.

¹⁰ Сообщение Гагарина о том, что он в ноябре 1836 г. жил на одной квартире с Долгоруковым, оспаривается М. Яшиным на явно недостаточном основании: в «Адресной книге на 1837 г.». Нистрема жительство Гагарина показано на Галерной улице, а жительство Долгорукова — на Б. Миллионной.

¹¹ Цитируется по статье М. Яшина.— «Нева», 1966, № 2, стр. 137.

¹² П. Е. Щеголев. Указ. соч., стр. 313.

¹³ «Русский биографический словарь», том «Гааг — Гертель». М., 1914, стр. 72.

¹⁴ «Нева», 1966, № 3, стр. 198.

¹⁵ «...Спасибо за письмо Гагарина. Оно очень умно и я совершенно с ним согласен в мнении о глубине и недальновидности немцев...». Письмо Вяземского А. И. Тургеневу от 24 марта 1843 г. Остафьевский архив князей Вяземских, т. IV, Спб., 1899 стр. 234.

Образование, связи и способности молодого человека давали ему возможность рассчитывать на быстрое продвижение по служебной лестнице. В Мюнхене он знакомится с философом Ф. Шеллингом и коротко сближается со своим сослуживцем, вторым секретарем русской миссии Ф. И. Тютчевым. В эти годы Гагарин начал вести дневник. В. Бильбасов так формулирует свои впечатления от чтения этого документа: «Это не дневник в обычном смысле слова, не случайные наброски мнений, им слышанных, мыслей, пришедших в голову,—это аналитический отчет внутренних впечатлений, живой, ясный, по большей части верный и всегда свидетельствующий о глубоким уме»¹⁶.

В январе 1836 г. Гагарин был переведен на службу в Петербург, в канцелярию министерства иностранных дел. Он вхож в литературные круги столицы, встречается с Жуковским, Вяземским, Пушкиным и др. Осенью того же года он приезжал в Москву, где состоялось знакомство с П. Я. Чаадаевым, которому, как утверждает позже Гагарин, он был «всем обязан». В апреле 1838 г. он получает назначение на пост третьего секретаря русского посольства в Париже. Однако в следующем году возвращается на довольно длительный срок в Россию. К этому времени относятся его встречи с Лермонтовым, сближение с Ю. Ф. Самариным и И. В. Киреевским. Об умонастроении Гагарина этих лет, когда он переживал духовный перелом, определивший его переход в католичество, красноречиво свидетельствуют его дневник и письма: «Тебе, отчизна, посвящаю я мою мысль, мою жизнь,— записывает он в дневнике.—Россия, младшая сестра семьи европейских народов, твое будущее прекрасно, велико, оно способно заставить биться благородные сердца. Ты сильна и могуча извне, враги боятся тебя, друзья надеются на тебя; но среди твоих сестер ты еще молода и неопытна. Пора перестать быть малолетнею в семье, пора сравняться с сестрами, пора быть просвещенною, свободною, счастливою. Положение спеленатого ребенка не к лицу уже тебе; твой зрелый ум требует уже серьезного дела. Ты прожила много веков, но у тебя впереди более длинный путь, и твои верные сыны должны расчистить тебе дорогу, устраняя препятствия, которые могли бы замедлить твой путь»¹⁷. «Мое сердце заливаается кровью, когда я думаю об участи России,— пишет он И. В. Киреевскому.— Я пламенно люблю Россию; но моей любви никто не поймет, никто ей не поверит; потому что я не люблю ее как сын, гордящийся красотой матери, но как сын, ясно видящий смертельную болезнь в ее крови... Тяжело, грустно подумать, что семь веков Россия страдает, как мало стран в мире страдали, и не видит в своих ранах — перста божия!»¹⁸.

На примере Гагарина прослеживается драматическая судьба той части русской дворянской интеллигенции, которая развилась, по выражению А. И. Герцена, «до всеобщих интересов», но избрала для борьбы за них ложный путь. Сделавшись убежденным сторонником религиозно-философской доктрины Чаадаева, Гагарин, как замечает академик Н. М. Дружинин, «довел до конца силлогизмы своего учителя: принял католичество и навсегда уехал из России»¹⁹.

Став священником-иезуитом, Гагарин стремился содействовать объединению западной и восточной церкви. Много сил отдал он воспитательной и благотворительной деятельности на Арабском Востоке и в самой Франции. Ознакомление иностранцев с историей и жизнью России было постоянной заботой Гагарина. Вообще же круг его интересов был очень разнообразен, о чем говорят оставшиеся после его смерти (1882) бумаги.

Нельзя не отметить одну особенность в воспоминаниях различных людей о Гагарине — свидетельством о том, что характерной чертой Гагарина в течение всей его жизни оставалась горячая любовь и искренний интерес к России.

Попытка М. Яшина объяснить состоявшийся в 1842 г. перелом в жизни Гагарина карьеристскими целями, даже на фоне других рассуждений исследователя, поражает своей тенденциозностью. Для того чтобы утверждать это, нужно было бы сперва доказать, что дневник свой Гагарин писал с заведомой целью обмануть тех, кто когда-нибудь будет его читать. Между тем искренность дневника до сих пор не вызывала сомнений. Вот что пишет о нем В. Бильбасов: «Наиболее интересной, наиболее живой и плодотворной стороны дневника мы касаться не будем. Она писана не для нас. Нам чужды, нам непонятны страдальческие искания вечной истины, мученические стремления к высокому, неземному идеалу, та духовная страстность, которая дается в удел немногим, только избранным, и к которой толпа остается всегда безучастна. Перечитывая подробности душевных волнений, пережитых Гагариным перед отречением от всех уз, связывающих его с родиной, с людьми близкими... нам в пору только вспомнить божественный завет: не судите, да не судимы будете»²⁰.

Известно, что вступление Гагарина в орден иезуитов было сопряжено для него с потерей большого наследственного состояния. В частности, это отмечено в биографическом очерке Гагарина, написанном его душеприказчиком — иезуитом П. Пирлингом. Понятно, что факт этот также не укладывается в гипотезу о карьеризме. Но решив, по-видимому, что тем хуже для факта, М. Яшин зачислил его в ту категорию, о которой Щедрин писал: «...есть даже факты, которые совсем, так сказать, не факты...». Как

¹⁶ В. Бильбасов. Самарин Гагарину о Лермонтове. «Новое слово», 1894, № 2, стр. 41 и 42.

¹⁷ «Новое слово», 1894, № 2, стр. 39.

¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 55.

¹⁹ «Коммунист», 1966, № 12, стр. 125.

²⁰ «Новое слово», 1894, № 2, стр. 42.

утверждает М. Яшин, «... Гагарин и не думал пренебрегать тремя тысячами крепостных, он сумел ловко обойти устав ордена иезуитов об обете нищенства, не принял в соображение „нужды общества Иисусова“. Всю жизнь Гагарина щедро снабжал деньгами отец, а после его смерти в 1862 году — сестра»²¹.

На самом деле Гагарин и юридически, и фактически действительно лишился своего состояния. В августе 1845 г. муж сестры Гагарина С. П. Бутурлин обратился к Николаю I с прошением воспрепятствовать «переводу огромного русского капитала за границу, в руки французских иезуитов»²². В результате Гагарин был лишен наследственных прав и после смерти отца все состояние перешло к его сестре. Однако сестра не рассорилась с братом и оказывала ему материальную помощь. Куда же шли эти деньги? Известно, что Гагарин был основателем Славянской библиотеки в Париже, первым издателем сочинений Чаадаева. По-видимому, и в том и в другом деле суммы, получаемые из России, сыграли свою роль.

4

В главе «Отношение к Пушкину» М. Яшин стремится показать, что Гагарин питал к Пушкину «антипатию», высказывался о нем с «недоброй проницей» и что вообще между ними «что-то произошло». Для того чтобы удостовериться в том, насколько убедительны доказательства М. Яшина, остановимся на двух примерах.

В качестве обоснования антипатии, которую питал к Пушкину Гагарин, приводится черновой отрывок из его письма к Тютчеву (март 1836 г.), который содержит сообщение об огромном успехе только что вышедшего сборника стихов В. Г. Бенедиктова: «Пушкин, который молчит при посторонних, нападает на него (Бенедиктова. — А. Б.) в маленьком кружке с ожесточением и несправедливостью, которые служат пробным камнем действительной ценности Бенедиктова. Впрочем, Вы должны знать, что Пушкин предпринял издание трехмесячного журнала под названием „Современник“, ему придется определить свои суждения и защищать их. Мы часто говорили о месте, занимаемом Пушкиным в поэтическом мире...»²³.

Отрывок этот хорошо известен. Впервые он был напечатан П. Пирлингом, указавшим: «Набросок письма хранится в моих бумагах». М. Яшин почему-то думает, что «у Пирлинга сохранился не только набросок, а и все письмо, но он не счит нужным обнародовать дальнейшие нападки Гагарина на Пушкина». Мало того. «Можно предположить, — пишет М. Яшин, — что критика Пушкина касается не только Бенедиктова, но и его защитников, в том числе и Гагарина. Так могла начаться антипатия Гагарина к Пушкину»²⁴.

Прежде всего, нельзя не усомниться в одной детали. Стоит ли предполагать, что «критика Пушкина касалась не только Бенедиктова, но и его защитников...», причем в такой степени, что могла породить антипатию к Пушкину? Ведь известно, что спор между воспитанными людьми не переходит с предмета спора на личности. Естественнее поэтому было бы допустить, что и Пушкин придерживался в беседах с друзьями и знакомыми того же правила. Кстати, защитниками Бенедиктова были также Вяземский, Жуковский и многие другие, но из этого не следует, что они должны были испытывать антипатию к Пушкину. Что же касается Гагарина, то на основании отрывка из другого письма его к Тютчеву — от 12 июня 1836 г. — можно было бы с таким же успехом предположить, что к этому времени антипатия Гагарина уже прошла. Ведь в этом письме он с удовольствием отмечает, что стихам Тютчева Пушкин дал «справедливую и глубокую прочувствованную оценку»²⁵.

Известно, что в начале октября 1836 г. Чаадаев переслал Пушкину с возвращавшимся из Москвы в Петербург Гагариным номер журнала «Телескоп», в котором было напечатано «Философическое письмо». Встреча Гагарина с Пушкиным и передача ему журнала, как устанавливает М. Яшин, могла состояться 10 или 11 октября. «Мы не знаем ничего определенного об этой встрече, — пишет М. Яшин, — все обстоятельства, за ней последовавшие, говорят, что между Пушкиным и Гагариным на этой встрече что-то произошло». Какие же это «все обстоятельства»? Автор разъясняет: «Геккеры... начал клеветническую кампанию против Пушкина, в которую включился и Гагарин; 4 ноября 1836 года поэту прислали анонимные письма»²⁶.

Итак, чтобы подкрепить версию о том, что Гагарин участвовал в написании анонимных писем, М. Яшин предполагает, что «между Пушкиным и Гагариным на этой встрече что-то произошло» (разрядка моя. — А. Б.). Последнее же предположение он обосновывает тем, что после этой встречи были посланы анонимные письма. Довольно странный способ доказательств!

Что же касается заявления об участии Гагарина в клеветнической кампании, то совершенно очевидно, что и здесь автор не знает «ничего определенного».

²¹ «Нева», 1968, № 3, стр. 197.

²² Цитируется по копии, хранящейся в Ульяновском областном краеведческом музее (ф. Бутурлиных).

²³ Книжки «Недели», 1899, январь, стр. 228—229.

²⁴ «Нева», 1966, № 3, стр. 190.

²⁵ Цитируется по кн.: К. П и г а р е в. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1957, стр. 83.

²⁶ «Нева», 1966, № 3, стр. 191.

Целый поток неожиданных открытий обрушивается на читателя в главе «Отношение к Тютчеву».

До сих пор никто не отрицал заслуги И. С. Гагарина перед нашей литературой как первооткрывателя поэзии Тютчева, со стихами которого он познакомился в Мюнхене в 1833 г. Несмотря на свою молодость, именно Гагарин был тем человеком, о котором позже биограф поэта И. С. Аксаков смог написать: «Наконец нашелся в Мюнхене русский, который понял значение поэтического таланта Тютчева...»²⁷.

Устарела ли эта оценка? Нет. Вот что пишет по этому поводу современный исследователь Тютчева К. В. Пигарев: «...Среди лиц, составивших ближайшее окружение Тютчева, Гагарин был единственным человеком, способным оценить его поэтический талант. Это и предопределило ту роль, которую он сыграл впоследствии в творческой биографии поэта»²⁸.

Гагарин вернулся в Россию в январе 1836 г. Его удивило то, что петербургские литературные круги почти вовсе незнакомы с поэзией его мюнхенского друга. Он упрямил Тютчева прислать ему рукописи своих стихов, а затем убедил его дать согласие на их печатание.

Как известно, инициатива Гагарина не оказалась бесплодной: 24 стихотворения Тютчева были помещены Пушкиным в третьем и четвертом томах «Современника». После смерти Пушкина П. А. Плетнев вплоть до 1840 г. продолжал печатать в «Современнике» стихи Тютчева. Часть рукописей, оставшаяся у Гагарина, была увезена им за границу и лишь в 1874 г. переслана в Россию И. С. Аксакову. Публикуя эти до того неизвестные стихотворения, Аксаков писал: «Русская литература обязана вечной благодарностью И. С. Гагарину: он не только первый умел оценить поэтический дар Тютчева, но и обратил его в действительное достояние России. Без его усилий, без его посредства едва ли бы когда эти перлы русской поэзии увидели свет в русской печати... Он с полным радушием предоставил в мое распоряжение сберегавшиеся у него в течение сорока лет рукописные клочки со стихами, пересланные ему Тютчевым...»²⁹.

Так думал Аксаков. М. Яшин смотрит на поступок Гагарина совсем иначе. Он пишет: «Не следует ли пересмотреть это общепринятое мнение и выснить причину, почему Гагарин почти на полвека задержал у себя многие из шедевров поэзии Тютчева и лишил современников удовольствия ознакомиться с ними еще при жизни поэта? Гагарин мог слышать или читать статью Некрасова в первой книжке „Современника“ за 1850 год, где тот вспоминал о стихотворениях Тютчева, напечатанных в „Современнике“ с 1836 по 1840 год... и горько сожалел, что Тютчев „написал слишком мало“; заканчивал статью Некрасов пожеланием, чтобы стихи Тютчева были выпущены отдельным изданием. По-видимому, Гагарин читал и исторический и литературный сборник „Раут“ за 1852 год, где было объявлено, что в текущем году „будет напечатано полное собрание стихотворений Тютчева“. Наконец, не мог не знать Гагарин, что в 1854 году вышло первое отдельное, но далеко не полное издание стихотворений Тютчева..., а в 1868 году дополненное, однако „священный обшества Иисусова“ ни разу не проговорился, что он задерживает у себя основной фонд литературного наследия поэта»³⁰.

Что и говорить, постановка вопроса новая и смелая! Но обоснованная ли? Напрашиваются встречные вопросы: почему Гагарин непременно должен был быть осведомлен о статье Некрасова? Почему «по-видимому» он читал сборник «Раут»? Почему он «не мог не знать» об обоих прижизненных изданиях стихотворений Тютчева? Все это еще надо доказать. Во всяком случае, Гагарин едва ли может нести ответственность за то, в чем его хочет обвинить М. Яшин — в сознательном и злом утаивании тютчевских рукописей. Если бы Тютчев счел нужным, то всегда сам мог бы запросить у Гагарина обратно свои стихи. Гагарин вовсе не обязан был по собственной инициативе возвращать их поэту, хотя бы потому, что обычно, если не происходит разрыва, подарки не возвращают (а ведь посылая их Гагарину, Тютчев писал: «они — ваша собственность»)³¹.

Но М. Яшин как раз убежден в том, что у Гагарина с Тютчевым в середине 1837 г. произошла «размолвка», что она «скорее всего связана со смертью Пушкина и с той «определенной принципиальной позицией», которую занял Тютчев «в оценке причин гибели поэта»³².

Оказывается, среди находившихся у Гагарина стихотворений Тютчева были два, в которых, по мнению М. Яшина, непосредственно задет сам Гагарин. Это — «Ты зрел его в кругу большого света» и «29-е января 1837».

Полемизируя с К. В. Пигаревым, выходящим в первом стихотворении обобщенно-романтический образ поэта, М. Яшин пишет: «К кому обращены эти строки? Кто наблюдал поэта в великосветском кругу и выразил к нему свое презрение?... Не правильнее ли предположить, что стихи эти написаны после нападок Гагарина на Пушкина в мар-

²⁷ И. С. А к с а к о в. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886, стр. 36.

²⁸ К. П и г а р е в. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962, стр. 75.

²⁹ «Русский архив», 1879, вып. 5, стр. 140.

³⁰ «Нева», 1966, № 3, стр. 192.

³¹ Ф. И. Т ю т ч е в. Стихотворения. Письма. М., 1957, стр. 376.

³² «Нева», 1966, № 3, стр. 192.

товском письме к Тютчеву в 1836 году или после смерти Пушкина и обращены к Гагарину»³³. М. Яшина не смущает, что тютчеведы-текстологи, датируя это стихотворение и пытаясь уточнить время его написания, не выходят за пределы конца 20-х — первой половины 30-х гг.³⁴ В угоду своей гипотезе он просто считает их доводы не достаточно серьезными.

Второе стихотворение, заглавием которого служит дата смерти Пушкина, является откликом на горестное событие, хотя и написано оно, по-видимому, по прошествии нескольких месяцев, в июне — июле 1837 г., во время пребывания Тютчева в Петербурге.

Стихотворение начинается строками:

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?

Вопреки прямому смыслу этих двух строк М. Яшин утверждает: «...Тютчева не интересует физический убийца Пушкина, он ищет лицо, трусливо скрытое анонимом, он ищет духовного убийцу. Особенно заставляет насторожиться участника травли Пушкина следующая строфа:

Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он вышею рукою
В царубийцы заклеимен.

Можно представить, какой приговор себе прочел Гагарин в этих строчках, когда в числе других это произведение было вручено ему Тютчевым?»³⁵.

Беру на себя смелость возразить М. Яшину: этого представить нельзя, просто невозможно. Да и не нужно. Ибо в этом стихотворении Тютчев имел в виду дуэлянта (неслучайно упоминание о «свинце смертельном»), а не автора пасквиля. Обратим внимание на строчки:

Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною...

Неужели Тютчев мог считать, что хоть в какой-то мере автор пасквиля может быть правым? В обществе, в котором принадлежал Тютчев, анонимный пасквиль считался подлостью и ни на какие скидки автор его рассчитывать не мог. Недаром Долгоруков, живя в эмиграции, до конца дней отрицал свое авторство. Другое дело — дуэлянт. Моральный кодекс того времени («правда земная») мог в какой-то степени оправдывать поединок. Следовательно, в этом стихотворении Тютчева совершенно явно имеется в виду Дантес.

Да и помимо всего этого просто невероятно предполагать, чтобы Тютчев написал стихи с тяжким обвинением против Гагарина, вручил их ему как своему другу и ценителю, а потом продолжал поддерживать с ним хорошие отношения. Ведь его письмо к Гагарину 1838 г. выдержано в прежнем дружественном тоне.

Видимо, М. Яшин чувствует щекотливость положения, при котором признать его версию отношений Тютчева к Гагарину значило бы оскорбить поэта обвинением в лицемерии. Вот если бы заручиться поддержкой какого-нибудь авторитетного человека, а то и передать ему приоритет в этом деле... И М. Яшин «организует» себе союзника в лице И. С. Аксакова.

Если верить М. Яшину, Гагарин так долго держал под спудом рукописи тютчевских стихотворений потому, что среди них были два, направленных лично против него. Спрашивается, почему же он их не уничтожил, а в числе прочих переслал И. С. Аксакову? О том, как это произошло, в статье М. Яшина рассказывается следующее: «В 1873 году умирает Тютчев. В следующем году Аксаков выпускает брошюру (не брошюру, а книгу. — А. Б.) о нем, где раскрывает мирозерцание Тютчева как близкое славянофильству.

Брошюру Аксаков переслал Гагарину. Вот тогда, по-видимому, и решил Гагарин подкрепить свои оправдания. Возвращение автографов могло пойти ему на пользу (? — А. Б.).

Благодаря за брошюру, Гагарин писал Аксакову: „Моих убеждений, кажется, Тютчев никогда не разделял; разделял ли он Ваши... мне верится с трудом“. Решив переслать своему антагонисту автографы Тютчева, Гагарин нерасчетливо допустил промах. Он не послал все сразу, а только два стихотворения, как пример политического мировоззрения поэта, где Тютчев в какой-то мере выносит оправдание деспотизму рос-

³³ «Нева», 1966, № 3, стр. 193, 194.

³⁴ Г. И. Чулков относит стихотворение к 1828—1829 гг., К. В. Пигарев — к концу 1829 — началу 1830 г. И. С. Аксаков, впервые опубликовавший его, датировал его первой половиной 30-х годов.

³⁵ «Нева», 1966, № 3, стр. 194.

сийской автократии. Стихотворения эти были: „Как дочь родную на закланье...“ и „14-е декабря 1825“... Несколько позднее Гагарин выслал остальные автографы.

Аксаков понял Гагарина и ответил ему. Разобрав все присланные произведения Тютчева, Аксаков выбрал из них также два стихотворения и опубликовал их 13 января 1875 года в „Гражданине“. Это были стихи: „29-е января 1837“ и „Ты зрел его в кругу большого света...“. Гагарину пришлось проглотить эту горькую пилюлю и прекратить всякую переписку о Тютчеве»³⁶.

Таким образом, читателю внушается мысль, будто бы Аксаков признавал Гагарина виновным в составлении пасквиля, считал, что два названных стихотворения Тютчева направлены против него и, публикуя их, обдуманно подносил ему «горькую пилюлю».

Но, во-первых, — если согласиться с этой версией, — неизвестно, выписывал ли Гагарин в Париже газету «Гражданин», ибо в противном случае «ирония» Аксакова просто не достигла бы цели; во-вторых, сам М. Яшин указывает, что Аксаков относил стихотворение «Ты зрел его в кругу большого света...» к первой половине 30-х гг., — следовательно, не придавал ему того значения, какое придает М. Яшин; в-третьих, двуличие никак не вяжется с общепринятым представлением о нравственном облике Аксакова. Между тем помимо приведенных цитат из «Биографии Федора Ивановича Тютчева» имеются и другие данные, позволяющие судить об отношении Аксакова к Гагарину.

«Когда я ехал в последний раз в Париж (в 1875 г. — А. Б.), — рассказывает Н. С. Лесков в статье «Иезуит Гагарин в деле Пушкина», — я заехал в Москву проститься с покойным Иваном Сергеевичем Аксаковым... Аксаков сказал мне, что я сделал бы ему удовольствие, если бы побывал в Париже у иезуита князя Гагарина и написал бы потом, как я найду его. При этом покойный Аксаков говорил о Гагарине сочувственно, как о человеке приятном, которого ему „очень жалко“, по многим причинам, и между прочим, потому, что брошенные на него подозрения оказываются гораздо сильнее и будут живучее его опровержений».

— А я ему верю, — заключил Аксаков»³⁷.

Как известно, Лесков, познакомившись с Гагариным, пришел к твердому выводу о его непричастности к пасквилю. Убеждение это было настолько сильно, что спустя несколько лет, когда Лескову показалось, что «возможны напраслины» в суждениях об анонимном пасквили, он посчитал долгом своей совести выступить в защиту Гагарина, настаивая на том, что «всякий честный человек должен быть крайне осторожен в своих о нем догадках».

В той же статье приводится ответ Аксакова на недодешедшее до нас письмо Лескова с сообщением о встречах с Гагариным: «Вы поставили его (т. е. Гагарина) передо мною живого во весь рост и полноту. Я его словно вижу и слышу, и разделяю Ваши к нему чувства, и сам его сожалею и словам его верю»³⁸.

Непонятно: как же, зная все это, можно утверждать, что Аксаков подносил Гагарину «горькую пилюлю», намекая на его участие в травле Пушкина!

[6

В трагических обстоятельствах, приведших к гибели Пушкина, до сих пор остается много неясного, загадочного, противоречивого. Памятуя слова Лескова, исследователь должен быть «крайне осторожен» в своих догадках и выводах. Всякая поспешность в этом деле недопустима. Вспомним признание М. Яшина в том, что он преждевременно опубликовал свое заключение о сходстве почерка Гагарина с почерком надписи на обороте диплома. Как ни категорически звучал вывод М. Яшина — В. Томилина о тождестве почерка надписи и почерка В. Я. Завязкина, все же сомнения, высказанные по этому поводу М. Г. Любарским, настораживали...

В марте 1968 г. по просьбе Государственного музея А. С. Пушкина в Центральном научно-исследовательском институте судебных экспертиз Юридической комиссии Совета Министров РСФСР было проведено повторное исследование почерков указанных документов. Сомнения М. Г. Любарского полностью подтвердились.

Исследование проводилось одним из авторитетнейших ученых-почерковедов В. Ф. Орловой. Почерк Завязкина изучался по тому же единственному документу, который исследовался В. В. Томилиным. Заключение гласит: «Приведенные совпадения и различия признаков не могут служить основанием для положительного или отрицательного заключения. Совпадение признаков по объему и идентификационной значимости не образуют неповторимой совокупности. Происхождение различий установить не удастся, если учесть, что в качестве образца почерка Завязкина В. Я. была представлена фотокопия только одного документа, датированного 1842 годом. И вывод: «Установить, кем — Завязкиным В. Я. или другим лицом — исполнена запись „Александр Сергеевичу Пушкину“... не удалось».

³⁶ «Нева», 1966, № 3, стр. 194—195.

³⁷ «Исторический вестник», 1886, август, стр. 270.

³⁸ Там же, стр. 273.

Относительно росчерков в обоих сохранившихся экземплярах пасквиля В. Ф. Орловой дан следующий ответ: «Исследуемые росчерки относительно несложны по своему строению: они могли быть выполнены как И. С. Гагариным, так и другим лицом».

Нет нужды распространяться о том, сколь благороден труд исследователя, в течение многих лет по крупицам собирающего архивные материалы, сопоставляющего факты и анализирующего различные свидетельства для того, чтобы дать правильную картину минувших событий в истории нашего народа, нашей культуры. Восстановление исторической истины воспитывает и укрепляет веру в конечное торжество справедливости, в победу лучших человеческих идеалов. В то же время в резолюции XVI Все союзной Пушкинской конференции была специально отмечена «необходимость критики всякого рода бездоказательных гипотез и их распространения, приобретающего сенсационный характер»³⁹.

В соответствии с этими соображениями я и счел своим долгом выступить с настоящими замечаниями.

³⁹ Б. Мейлах. Дуэль, рана, лечение Пушкина, «Неделя», 1966, № 2.